

НАУЧИ МЕНЯ ЛЮБИТЬ

Ли Лонли

16+

Ли Лонли
Научи меня любить

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лонли Л.

Научи меня любить / Л. Лонли — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Как вы представляете себе идеальную субботу чудесного летнего дня? Детектив-трудоголик Молния собирался спокойно поработать над рутинными делами, однако его планам не суждено было осуществиться: когда у тебя вдруг появляется возможность найти убийцу и предотвратить новое преступление, вся рутина уходит на задний план. Замкнутая и нелюдимая писательница Алиса Новак согласилась на серию интервью в виде исключения, с целью покончить со всеми неприятными делами за один раз, но она даже не подозревала, сколько неприятных событий может втиснуться в такой короткий срок. Когда журналисты докопались до самых интимных подробностей твоей жизни, когда самый близкий человек предал твоё доверие, когда полиция подозревает тебя в убийстве, как долго ты сможешь сохранять хотя бы внешнее спокойствие? Любовь и предательство, верность и дружба, мистика и холодный расчёт, миллион вопросов, на которые предстоит найти ответы - и всего один, почти бесконечно долгий день...

© Лонли Л., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 6 |
| Глава 2 | 12 |
| Глава 3 | 17 |
| Глава 4 | 26 |
| Глава 5 | 33 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

Ли Лонли

Научи меня любить

Посвящается моему агенту.

Алекс, я всегда буду благодарна тебе за то, что ты все эти годы остаёшься со мной, несмотря ни на что.

Глава 1

Прошло ровно четырнадцать дней – две недели с того момента, как Том исчез из её жизни: однажды утром он ушёл, как обычно, на тренировку, а через несколько часов прислал короткое смс – «Прости, мне надо побыть одному». Вот так просто: больше никаких звонков, никаких сообщений, никаких лайков в соцсетях. Никаких отношений. Никаких объяснений. Ни-че-го.

После нескольких месяцев счастливой совместной жизни – Алекс уже сама сбилась со счёта, как давно они вместе – вдруг такое...

Удивительно устроен наш мозг: пока ты счастлив – ты просто счастлив. Наслаждаешься каждой минутой и каждой секундой. Не следишь за временем, не смотришь на часы, не отмечаешь даты. Когда счастье заканчивается, мозг включает свой жестокий счётчик – ты несчастен уже целый день, два дня, три, четыре... Неделю спустя ты думаешь: ровно неделю назад, в этот самый день, мы ещё были вместе, я был счастлив, и ничто не предвещало... Через десять дней после дня икс ты решаешь, что прошло уже достаточно времени, и надо как-то снова начинать дышать – и жить. А потом приходит день номер четырнадцать, и тебя снова прибывает: ровно две недели назад, в этот самый день, вы ещё были вместе и были счастливы

Умом девушка понимала, что это конец. Сердце в это верить отказывалось и отчаянно придумывало Тому разные оправдания. Во-первых, ему нужно время после тяжёлого расставания с бывшей – они с Алекс, наверное, слишком быстро сошлись и стали жить вместе. Просто она поспешила, и он не смог устоять, но для него это было слишком быстро... Во-вторых, у него могли возникнуть серьёзные неприятности на работе, или неприятности у кого-то из его близких, родственников или друзей... Почему он не сказал об этом ей? Потому что её помощь ему не нужна: он хочет справиться сам. Разве мужчины не все такие? Он не хочет посвящать её в ненужные подробности, грузить своими проблемами, выглядеть перед ней слабым... Да и вообще – ведь далеко не всё надо делать вместе с партнёром – и Алекс это хорошо понимала: каждому человеку необходимо его личное пространство, очерченное чёткими границами, в которое никто не полезет без спроса. Разве ей самой не важно было иногда побыть одной – погулять в парке или выпить чашку кофе?

Таких причин-оправданий поведению Тома Алекс придумала уже не меньше десятка – и все казались ей достаточно убедительными. Её мозг, превратившийся в хладнокровного стороннего наблюдателя, молча взирал на это со стороны: сердце девушки и так уже было разбито – просто она ещё отказывалась это признать, – и было бы жестоко произнести эти слова сейчас: всё кончено, девочка. Тебе не на что больше надеяться. Ты потеряла его навсегда.

Две недели Алекс пыталась жить обычной жизнью – ходила на работу в офис, встречалась за ланчем с подругами, покупала в магазине полезную еду и бегала по утрам. Как будто всё как всегда. Как будто всё хорошо. Как будто Том вот-вот перешагнёт порог её дома. Однако время шло, а всё оставалось как прежде. Никаких шагов к сближению с ней мужчина не принимал.

С ним самим при этом всё было хорошо – насколько она могла судить по его активности в соцсетях (ох уж эта его сетевая зависимость!): вот он пьёт с друзьями в баре, вот фото из зала с новым тренером, вот прекрасный закат из окна его спальни (этот вид Алекс не могла спутать ни с чем – в спальне Тома она провела лучшие часы своей жизни за долгое, долгое время, и они встретили там не один такой яркий закат..) Только ей в его жизни теперь не было места.

Вечерами – длинными одинокими вечерами – Алекс сидела одна в своей квартире, прямо на полу, пила вино (из коробки, потому что открывать бутылки за тридцать пять лет своей жизни она так и не научилась) и жалела себя. Каждый день в офисе она работала допоздна, шла домой так медленно, как только могла, по дороге заходила в магазин за какими-то мелочами, без которых она вполне могла обойтись— и всё равно её вечера стали бесконечными и научились пытать её безмолвной тишиной.

Изо всех сил Алекс держалась на расстоянии от Тома – не ходила с подругами в кафе, где он часто обедал, не появлялась в тех местах, где мог появиться он, не общалась с его друзьями, и даже перестала бегать по утрам в парке, где обычно бегал он... Хуже всего было по вечерам: было очень тяжело не писать ему, не звонить, не пытаться выяснить, что случилось. Алекс понимала, что, если ничего не изменится, рано или поздно она должна это сделать. Она, а не он: Том был из тех людей, кто не мог так просто сказать «нет», а ей, наоборот, всегда нужна была предельная ясность – даже горькая, безжалостная, убивающая. Всё, что угодно, лучше неопределённости – она искренне так считала.

Когда в голове девушки ненадолго включалось критическое мышление, она задавалась вопросом: если ей действительно необходимо знать эту самую горькую правду, как она себя в этом убеждает, то почему она так старательно избегает встречи с Томом? Разве встретиться и спросить его обо всём напрямую – не самый простой и быстрый способ всё узнать? Нет, говорила она самой себе: ты просто не хочешь знать правду. Ты не способна её запросить. Боишься, что не выдержишь. Что предательски задрожит голос. Что не сможешь посмотреть ему в глаза, чтобы не почувствовать себя жалкой и несчастной. Что неожиданно разревёшься или устроишь скандал на глазах у любопытной публики. (Ты ведь не надеялась на интимную встречу тет-а-тет где-нибудь в укромном уголке, Алекс? Даже ты не можешь быть настолько наивной!) Слабачка, думала она с презрением. Могла бы не лгать хотя бы самой себе: максимум, на что ты способна – написать ему сообщение. Конечно, она могла бы ему позвонить, но это уже совсем в крайнем случае: даже сообщение девушка откладывала на «когда-нибудь потом, когда я успокоюсь» – однако этот момент постоянно отодвигался во времени всё дальше и дальше. Успокоиться Алекс не могла.

Каждый вечер она пила вино одна – медленно, маленькими глоточками, согревая каждую порцию охлаждённого напитка во рту перед тем, как её проглотить – и буквально била себя по рукам, чтобы не взять телефон, не написать ему, не посмотреть, когда он был в сети в последний раз, не посмотреть, чем он был занят сегодня. Никогда Алекс не шпионила за своими мужчинами – не пыталась увидеть их бывших, не читала личных переписок с другими людьми, не пыталась выяснить, где они бывают и с кем, когда уходят «к друзьям»... и сейчас отчаянно жалела об этом. Ей казалось, что, если бы она больше прислушивалась к тому, что говорил Том кому-то по телефону, задавала ему больше вопросов, больше интересовалась его друзьями, то сейчас она не терялась бы в догадках, где он и что с ним. И почему он не с ней.

Единственная подруга, которая была в курсе происходящего, восхищалась терпением Алекс и говорила, что сама устроила бы разборки ещё в тот день, когда её мужику пришла в голову блажь «побыть одному». Алекс понимала, что дело не в терпении: она как могла оттягивала приближение неизбежного конца: не сегодня, не сейчас! («Это уже конец, Алекс, тянешь ты время или нет, – вопил её отчаянный мозг, пока сердце продолжало молить о пощаде. – Чем раньше ты помотришь правде в глаза, тем раньше начнётся твоё выздоровление»).

В тот вечер Алекс сдалась. Она сидела по обыкновению на полу в темноте с начатым бокалом вина, в котором лёд растаял уже наполовину и разбавленное вино снова достигло

верхнего края вспотевшего бокала, и в третий раз отложила в сторону телефон. Она понимала, что уже ничего не изменит, и всё-таки не могла заставить себя написать Тому. Не была готова услышать то, что он может ей сказать. Однако и тянуть время дальше было невозможно.

Алекс выпила залпом полбокала вина, сняла блокировку с телефона и открыла мессенджер: Том был в сети две минуты назад. Её сердце учащённо забилось. Пальцы дрожали. Она секунду подумала и начала писать: «Том, чёрт тебя дерит, ты можешь, наконец, объяснить мне, что происходит?!»

Нет, не так. Получилось грубо. Как будто она в ярости (она и была в ярости, но нельзя допустить, чтобы он это понял). И хорошо ещё, что Алекс не отключила T9 – дрожащими нервными пальцами она лишь приблизительно попадала по нужным кнопкам и несколько раз промахнулась.

Девушка стёрла написанный текст и снова отложила телефон. Задумалась. Чего она вообще от него хотела? Что ожидала «услышать» в ответ? Почему она боится позвонить и услышать ответ сразу же, а не какое-то время спустя?

Вспомнилось, как говорила об ожиданиях подруга: «Пока монетка летит, ещё можно надеяться. И даже когда она уже упала, но ты ещё не видишь, какой стороной – ещё не всё пропало... И ты как тот самый кот Шрёдингера – одновременно мертва и жива».

«Могу я хотя бы поинтересоваться, что вообще между нами происходит? Мне кажется, я имею право это знать!» – гласил следующий вариант сообщения.

Уже лучше, тон почти нейтральный, но уязвлённое самолюбие сквозит изо всех щелей. И так тоже отправлять нельзя, решила Алекс.

«Не могу больше без тебя. Всё время думаю о тебе. Соскучилась безумно. Том, я тебя люблю. Я очень тебя люблю. Прости меня. Не знаю, что я сделала и в чём виновата, но прости меня. Давай встретимся и поговорим» – это Алекс даже не собиралась отправлять. Написала просто так, чтобы убедиться, что пальцы всё ещё слушаются её, что они стали лучше попадать на кнопки и почти перестали дрожать.

Сообщение она стёрла сразу же, допила вино из бокала и налила ещё. Бросила пару кубиков подтаявшего льда и сделала глоток.

Алекс была абсолютно трезва. Более трезва, чем когда-либо. Она даже любила это своё состояние – когда разрешила себе узнать правду. Самую горькую, самую беспощадную... Дело за малым – написать всего одно сообщение. Прочитать всего один ответ. И на этом всё будет кончено.

«Можно задать тебе вопрос?» Сначала вопрос был «дурацким», потом «всего одним», а потом Алекс решила, что это всё неважно. Неважно, что она напишет. И даже неважно, что ответит – или не ответит – ей Том. Это всё равно уже конец. Поэтому она просто нажала «отправить», отложила телефон и зажмурилась.

«Монетка» летела, Алекс вспоминала, как хорошо ей было с Томом – как нежно он её обнимал, как зарывался лицом в её длинные непослушные волосы, как осторожно целовал в шею... как по всему её телу пробегала сладкая дрожь от каждого его прикосновения... они были вместе несколько месяцев, но она по-прежнему вздрагивала, когда он прикасался к ней. Она видела в этом хороший знак. На телефон пришло сообщение. Девушка вздрогнула – хотя причин для этого не было: вряд ли Том написал сразу что-то важное... ответом на её вопрос по сути могло быть только «да» в том или ином виде: если бы Том вообще не захотел разговаривать с ней, он просто не ответил бы.

«Давай», – гласило сообщение.

«Что с тобой происходит? – решила Алекс. – Что происходит с нами? Мы ещё вместе?»

Девушка отложила телефон и взяла в руки бокал. Сейчас всё решится. Она сделала глоток вина и почувствовала, как в пальцы вернулась дрожь. Правильно ли она поступила, что вообще начала вот это вот всё? Может, надо было оставить всё как есть – то есть в неопределённости? Может, не такое уж плохое это состояние?

Раздался звук нового входящего сообщения, и теперь Алекс застыла на месте с глотком вина во рту. Сердце стукнуло ещё раз – так громко, как будто вложило все свои силы в этот единственный удар – и затихло. Девушка перестала дышать.

Вот и упала твоя монетка, кот Шрёдингера, успела подумать она. Теперь уже точно ничего не изменишь: всё есть как есть.

«Прости меня за всё», – написал он.

Да, это был конец.

Алекс тоскливо смотрела, как Том ещё что-то пишет, и понимала, что ей уже ничего не светит. И уже неважно, что именно он напишет, как он будет объяснять происходящее... «прости за всё» – это в любом случае конец.

«Наверное, я просто повзрослел, – написал он. – Я понял, что хочу семью – настоящую, с женой-домохозяйкой и шумными детьми. Я хочу сына. Хочу возвращаться в чистый дом, и чтобы меня всегда ждала горячая домашняя еда. Хочу по вечерам смотреть телевизор. Какой-нибудь тупой сериал. Хочу на выходных всей семьёй ездить в аква-парк, кататься на каруселях, учить сына играть в футбол, жрать фаст-фуд и пить пиво».

Глаза Алекс широко раскрылись: да, с ней такое будущее было невозможно. Домохозяйка, телевизор и пиво – это не она. Но и не Том! Не мог он своими руками написать это! Никогда этот мужчина о детях не мечтал, и домохозяйку свою бросил давным-давно – и даже подписал документы на развод, оставив ей всё нажитое, включая оба телевизора. С Алекс у него всего этого не было – и он ни разу не говорил, что ему не нравится заниматься с ней в зале, или бегать вместе по утрам, или есть на ужин «скудную» стручковую фасоль. Ему нравилась его новая жизнь.

И вдруг – это.

Алекс ещё не знала, что ответить, когда пришло следующее сообщение – «Я возвращаюсь к Полине».

Полина была его бывшей женой. Из того, что Том рассказывал о ней, Алекс так и не смогла понять, за что он любил её – но факт в том, что действительно любил, долго и горячо. Любил, даже когда она ушла от него к другому мужчине, и до последнего момента оттягивал развод. Тем не менее, когда он встретил Алекс, он – во всяком случае, Том сам говорил это не раз – понял, что к старой жизни возврата нет... Да и не хотел он этого возврата – он влюбился в независимую, стремительную, спортивную Алекс и хотел разделить с ней её сумасшедшую, насыщенную событиями, сознательно выбранную бездетную жизнь.

Том был всё ещё в сети, но больше ничего не писал, из чего следовало, что он сказал всё, что хотел, и добавить ему нечего. Алекс допила второй бокал вина, за секунду написала следующее сообщение и, не оставив себе времени передумать, отправила: «Можно я тебе сейчас позвоню?»

Он позвонил сам.

– Алекс, прости меня за всё, – сказал Том. – Мне правда очень жаль, что всё так получилось. Ты прекрасная девушка. Нам было хорошо вместе. Но теперь это всё в прошлом.

От его родного, хриповатого голоса у девушки защемило сердце. Уязвлённое эго снова вырвалось наружу, и чуть более резко, чем Алекс планировала, она спросила:

– Ты хоть немножко меня любил?

В трубке послышался вздох.

– Не заставляй меня это говорить. Я всё решил.

– Помнишь, как ты обещал мне никогда не лгать?

Новый вздох:

– Чего ты от меня хочешь, Алекс? Хочешь, чтобы я снова это сказал? Да, любил. Я тебя любил. Никогда тебе не лгал и не лгу сейчас. Но теперь всё по-другому. Так бывает: любовь проходит. Я возвращаюсь к Полине. Я хочу стать отцом – а ты никогда не хотела детей и никогда уже не захочешь. Мы оба это прекрасно понимаем. Мы по-разному представляем себе счастливую семью, Алекс. Мы с тобой не будем счастливы вместе. Никогда. Смирись уже.

– Том, подожди. Стоп. Подожди. Какие дети? Ты же сам не хотел никаких детей! Вспомни, как мы говорили... обсуждали планы на будущее... и ты сказал...

– Полина беременна. Вот какие дети.

У Алекс перехватило дыхание, словно её ударили в живот. Не может этого быть! Это какой-то дикий сюрреализм. Это происходит не с ней... когда Том вообще виделся со своей Полиной? Это ведь было несколько месяцев назад – ещё до того, как он стал встречаться с ней!

– Прости за вопрос. Это, конечно, не моё дело, и я не хочу лезть, но... ты уверен, что...

– Что этот ребёнок мой? Ты правда хочешь это знать?

Алекс смутилась:

– Прости, это невежливо с моей стороны – задавать такой вопрос. Это неважно. Можешь не отвечать. Но Том...

– Если честно – нет, Алекс, я не уверен. Но ты права – это всё неважно. Мы снова женимся. У нас будет ребёнок. У меня будет семья.

Алекс была в отчаянии. Её хрупкая надежда на возобновление близких отношений с этим мужчиной таяла, как молочный пломбир в 40-градусную жару.

– Том, подожди, ну какая семья?! Ну правда. Ты это не всерьёз. Я не верю. Здесь что-то не так, что-то не складывается. Ты всё врешь.

– Я люблю её. Много лет любил и люблю до сих пор. Прости меня, Алекс. Мне правда жаль, что так получилось. Не унижайся, ты ничего не изменишь. Я всё решил.

Том ещё что-то говорил, но Алекс уже не слышала. Ей казалось, что она готова ко всему – но выяснилось, что нет. К такому повороту она готова не была. Слезы катились по её щекам, и она даже не пыталась их вытирать. (Да, именно это и случилось бы при личной встрече, но там были бы ещё свидетели). Она шмыгнула носом... чёрт, завтра она будет выглядеть просто отвратительно. Хорошо, что завтра выходной.

– Алекс? Ты в порядке?

«Нет, блин! Я НЕ в порядке! – чуть не заорала девушка. – Что ты там себе думаешь вообще?! Как после такого в принципе можно быть в порядке?!»

– Алекс? Алло! Ты меня слышишь?

–...

Девушка бросила трубку и в какой-то момент пожалела о том, что не курит – судя по всему, сигарета ей бы сейчас не помешала.

Итак, это был конец. Алекс прислушалась к себе. Сердце ныло где-то глубоко внутри и стучало еле-еле, словно через силу. В груди давило так, что девушка не могла дышать. Слезы продолжали катиться по мокрым распухшим щекам.

Секунду спустя Алекс заставила себя сделать первый судорожный вдох. Потом ещё один и ещё. Снова и снова. Глубже и глубже. И с каждым разом ей становилось легче. Слезы остановились, кожу стало пощипывать от застывающей соли. Никто не стоит моих слёз, решила она. Никто. Ни один мужчина. Что бы ни происходило в моей жизни, я сильная. Я выживу. Я

справлюсь. Я буду в порядке. Не сейчас – когда-нибудь потом. Надо просто дать себе время и не думать больше о нём.

Это было трудно – не думать больше о нём. Самое сложное (как полагала Алекс) было позади: всё уже расставлено по своим местам, вся неопределённость определилась, с Томом всё стало предельно ясно. Этот мужчина больше никогда не будет принадлежать ей. Никогда. Они больше никогда не будут вместе, не будут друг другу писать, звонить, и, вероятно, расфрендятся в соцсетях. У них больше нет общих друзей, которые будут вынуждены принять одну сторону и прекратить общение с другой. У них не будет общих занятий. Не будет встреч. Не будет совместных планов на будущее, и однажды даже прошлое перестанет мучить сладкими и щемящими воспоминаниями.

Чем скорее она поймёт это – сердцем, не головой – тем лучше для неё. Тем скорее отпустит её прошлое. Тем скорее начнётся её новая жизнь – жизнь без Тома. И кто сказал, что эта жизнь не может быть прекрасной? «С этого момента – никакого вина, – сказала себе Алекс. – И никаких мужчин. Есть только ты, твоя работа и твоя жизнь. И только от тебя теперь зависит, какой она будет».

Глава 2

Квартира Алисы. Суббота, 4 июля, 02:00

Алиса дописала слово «Конец» и откинулась на кресле. Ещё несколько дней назад она понятия не имела, чем закончится её «Сумеречная мечта», но теперь сомнений не было никаких: всё закончилось именно так, как, видимо, и должно было.

Значит, в этот раз так. Ну что ж... всё когда-нибудь бывает впервые. «Сумеречная мечта» станет первой книгой молодой, но уже известной писательницы Алисы Новак, которая закончилась без особого оптимизма.

Девушка задумалась: в целом всё вышло неплохо. Обычно она старалась писать так, чтобы оставить у читателя приятное послевкусие от прочтения – она и сама любила хэппи-энды. Не слишком слащавые, но с явной надеждой на то, что с главным персонажем всё теперь будет хорошо. Однако даже с таким финалом книга получилась неплохо – Алиса чувствовала это. Она открыла электронную почту, вложила файл с текстом и, как было – без названия, без подписи – отправила письмо контакту ChristyKazakova.

Через несколько минут, когда Алиса уже варила кофе в медной турке на своей уютной кухне, зазвонил телефон. Девушка улыбнулась: Кристина не спала, ждала её рукопись и проверяла почту ежеминутно – так было всегда в те дни, когда Алиса заканчивала очередную книгу.

– Алиса, ты почему до сих пор не спишь? – Кристина пыталась быть строгой, но в её голосе слышалось ликование. – Ты на часы смотрела вообще?

– Сама-то что ещё не в постели? – Алиса придерживала телефон плечом и переливала ароматный кофе из турки в большую керамическую чашку. – Я же тебе говорила: сегодня ещё не допишу, времени не будет...

– Но ведь дописала же! – торжествовала невидимая собеседница. – Я знала, что так будет! Ты никогда не откладываешь всё на последний момент! Всегда всё делаешь вовремя – в этом вся ты.

– Это да, – ответила Алиса, сполоснула турку под струёй еле тёплой воды и залезла на высокий стул у барной стойки. Аромат кофе дразнил её – о большой чашке напитка она мечтала последние два часа, но не позволяла себе отвлекаться, пока не дописала книгу.

– Ну молодец, чё, – девушка на том конце провода жадно затянулась сигаретой и закашлялась. – Я скачаю файл себе в телефон и буду читать завтра в студии во время интервью. Меня-то вряд ли будут о чём-то спрашивать, всё же решено. Я нужна тебе только в перерывах – буду следить, чтобы ты не умирала от голода и жажды и выглядела хорошо.

Последние несколько слов Кристина почти промяукала в телефон, и Алиса улыбнулась. Она сильно устала за последнее время. Мысли о завтрашних интервью заставляли её нервничать, но девушке было приятно, что о ней есть кому заботиться. Она сделала глоток кофе и зажмурилась от удовольствия.

– Спасибо, Кристи. Я на тебя рассчитываю.

– Ну да, как всегда, – вздохнула собеседница. – Ты себя совсем не жалеешь... Ты вообще спать собираешься сегодня? Съёмки с самого утра. Выглядеть будешь страшно. А это всё-таки не радио, дорогая. Это правда важно. Нам нужны новые фанаты.

– Выглядеть буду как всегда, – Алиса пожала плечами. – Сейчас допью кофе, сделаю маску и буду ложиться. Обещаю. Во сколько там надо встать?

– Я тебе позвоню, не волнуйся. Можешь даже будильник не ставить – телефон только не выключай.

– Не буду.

– Вот и умница. Давай, делай там свои маски. Чтобы завтра была красавицей.

– Это уж как получится, – Алиса усмехнулась и положила трубку.

Сегодня был длинный день. Бесконечно много дел. Она уже падает с ног от усталости. Ей просто некогда думать, как она выглядит сейчас и как будет выглядеть завтра. В конце концов, там есть гримёры, визажисты, стилисты: снимать будут несколько интервью для разных передач – одно за другим, с небольшими перерывами, – и съёмки займут целый день.

И спать она будет потом два дня подряд, – пообещала себе Алиса. Или три. Вообще беспробудно – не будет вставать даже ради того, чтобы поесть. И телефон отключит.

Девушка медленно сползла со стула, вымыла чашку и потащилась в ванную, чтобы хотя бы принять душ и почистить зубы.

А потом до самого утра – пока не позвонила Кристина – ей снова снился Тим, и в этом сне она была счастлива, как никогда в жизни.

Полицейский участок №48. Суббота, 4 июля, 9:00

В то чудесное субботнее летнее утро следователь полиции Максим Андреевич Громов прибыл на работу в полицейский участок №48 в отличном расположении духа. Стояла прекрасная погода, и ничто не предвещало особого завала на работе, так что мужчина собирался полистать какое-нибудь из нераскрытых дел: на свежую голову можно было заметить новые детали, что-то вспомнить, что-то сопоставить – и продвинуться в раскрытии безнадёжного «висяка». Громов любил такие тихие дни и возможность спокойной аналитической работы, которая была почти невозможна в будни.

В выходной день сотрудников в участке бывало немного, телефон молчал, а до начала рабочего дня оставалось ещё десять минут, так что Громов открыл окно, не спеша полил цветы на подоконнике из пластмассовой жёлтой лейки, заварил себе большую кружку кофе, включил компьютер и сел за стол в большое удобное кресло.

И только теперь заметил на столе картонную папку-скоросшиватель, которой там прежде не было. Новое дело с ещё не присвоенным номером.

Следователь не успел открыть папку, как зазвонил телефон. Часы показывали ровно 9:00.

– Громов. Слушаю.

– Приветствую, Андреевич, – сказала трубка голосом шефа. – Уже на месте?

– Так точно. Готов к работе.

– Вот и славно... Там у тебя новое дело – займись лично. Новый «висяк» нам не нужен. Через неделю общее собрание с отчётом за полгода, а в прошлый раз у нас и так было больше всех «висяков». Так что у меня нет большого желания снова это выслушивать.

– Ну ладно, «висяки» есть, не спорю. Но не так уж и много.

– Ты мне ещё давай посчитай, – Громов так и видел, как скривился шеф. – Резонансные зато. Хватит и одного твоего мартовского бизнесмена – по нему ничего нового?

Следователь вздохнул:

– Ничего. Думаю, и не будет ничего – если до сих пор на заказчика не вышли...

– Вот и я об этом. Так что давай не добавлять нераскрытые дела в наш стол. Свежее расследуй по горячим следам. Времени, как ты понимаешь, не много. Отложи всё остальное и займись этим. На всё про всё даю тебе неделю.

– Неделю, – повторил Громов, открывая папку. – Принял... Так, стоп. Неделю? На убийство?

– Делай, что хочешь. Хоть ясновидицу вызывай. Все карты тебе в руки. Все ресурсы – в разумных пределах. Помощника пришлю. Всё ясно?

– Куда уж яснее, – указание начальства было хуже оскомины.

– Вот и замечательно. В понедельник жду у себя. Хочу услышать твои соображения.

– Понял.

– Я на тебя рассчитываю, Громов, – совсем другим голосом произнёс шеф. – Не подведи.

Итак, убийство... которое на первый взгляд было похоже больше на самоубийство – из окна или балкона 25-этажки на Малиновой, 15 выпал мужчина (или не выпал, а сам выпрыгнул, или кто-то его вытолкнул). Худощавый, волосы тёмно-русые, глаза карие, на вид 35-37 лет. Документов при себе нет, телефон выключен и заблокирован. Татуировка в виде инициал А.Н. над сердцем. Полицию около полуночи вызвала женщина, которая обнаружила тело во время прогулки с собакой.

В принципе, уже наличие телефона вызывает вопрос: самоубийцы не прыгают из окон с телефонами в руках. А здесь к тому же рядом с телом была обнаружена обувь – как будто кроссовки выбросили из окна уже следом... или до того. Кроссовки, по всей видимости, принадлежат жертве – размер подошёл... Время смерти около 23:00. В это время на улице уже темно, так что маловероятно, что обнаружатся ещё какие-то свидетели кроме женщины, вызвавшей полицию – но ведь и она не застала само происшествие, так сказать...

Тем не менее, можно было бы закрыть глаза на это и списать всё на самоубийство, но предварительное медицинское заключение было неумолимо: на теле обнаружены следы повреждения тупым твёрдым предметом. Значит, всё-таки убийство. Громов вздохнул. Ну что ж... времени особо не много. Начнём с опроса жителей дома, затем просмотрим записи камеры с подъезда – если она там, конечно, есть... потом...

Интересно: когда шеф собирается назначить ему помощника. Прямо сегодня было бы очень кстати, подумал следователь и посмотрел на часы: время 9:30. Кофе безнадежно остыл. Громов вылил чашку холодного напитка в горшок с фикусом, стоявшим на полу у окна, и заварил себе новый кофе, но не успел сделать и одного глотка, как в кабинет вдруг без стука быстрым шагом вошла девушка.

В субботу Громов посетителей не ждал – а без предупреждения дежурного тем более. Он посмотрел на девушку – а та, в свою очередь, молча стояла и разглядывала его. Молодая – точно не больше тридцати пяти, длинная цветастая юбка в пол и тонкие запястья в звенящих браслетах. Много разных колец на пальцах – все крупные, броские, с камнями. Небрежно уложенные светлые волосы, чувственные, чуть тронутые розовой помадой, губы, строго сомкнутые чёрные брови – и бездонные синие русалочки глаза, в которых можно утонуть. Что с ней могло случиться – ограбление, побои, изнасилование? А может, просто шумные соседи?

– Я пришла вам помочь, – просто сказала она.

– Помочь? Мне?

– Не лично вам, конечно, – усмехнулась девушка. – Вообще. Полиции.

– Понятно. И чем же, позвольте вас спросить? – Громов всё ещё стоял напротив незнакомки с кружкой горячего кофе в руках. Покою сегодняшней день уже не обещал.

– Не предложите даме сесть?

Громов жестом указал девушке на стул у собственного стола, и сам вернулся в своё кресло. Поставил кофе на стол, и, не сводя глаз с посетительницы, поднял трубку и набрал короткий номер.

– Петров! Почему в участке посторонние?

– ...

– Девушка, блондинка. Как она прошла мимо тебя?

– ...

– Объяснительную мне на стол. Всё ясно?

Громов бросил трубку и посмотрел на девушку:

– Как вам это удалось?

Та повела плечами – мол, неважно, я и не такое умею, – а вслух сказала:

– Пожалуйста, не наказывайте своего подчинённого из-за меня. Он правда не виноват. Это я...

– Это не вам решать, – отрезал следователь. – Вы и так потратили уже достаточно моего времени. Говорите теперь, что вы хотели.

– Сегодня кто-то умрёт, – заявила девушка без малейшей тени сомнений. – Я пока не знаю, где, не знаю, как, и не знаю, кто это будет, но это точно случится.

– Здесь каждый день кто-нибудь умирает. И не один. Это Москва, – пожал плечами Громов.

– Это связано с убийством. С тем, над которым вы сейчас работаете. Мужчина, который умер сегодня ночью.

– Подождите. Откуда вы... с чего вы вообще взяли... – Громов поспешил взять себя в руки: это Москва. Люди умирают каждый день. Убийства происходят каждый день. Пальцем в небо. – Давайте по порядку. Вы вообще кто?

– Меня зовут Алевтина. Я... ну давайте считать, что я ведьма.

– Понятно, – осторожно сказал Громов и подумал: уж не шеф ли её накликать своим «хоть ясновидицу вызывай»? Только ясновидцев ему здесь не хватало. – От меня вам что нужно?

– Я же сказала: сегодня кто-то умрёт. И это связано с тем убийством, которое вы расследуете. Я могу вам помочь. Мне было видение.

– И... часто у вас бывают видения?

– Достаточно часто, – кивнула девушка. – И они никогда меня не подводят.

– Допустим, – сказал следователь, хотя в принципе никакой мистической ерунды в жизни не допускал. – Что же было в вашем видении?

– Будет смерть и будет убийство. Сегодня. Оно связано с тем убийством, которое вы уже расследуете. Я могу помочь его предотвратить.

– Почему мне? В городе полно полицейских участков и полно нераскрытых убийств. И уж точно сегодня произойдёт ещё не одно убийство. И они все с чем-то связаны. Почему же вы пришли именно сюда, в этот участок, именно ко мне? Случайно?

– Нет, конечно. Не случайно. Ваша фамилия Громов – а мне чётко было указано, что я должна помочь Грому.

– Допустим. Как вы собираетесь помогать?

– Пока не знаю, – девушка откинула с лица прядь светлых волос. – Я должна провести день с вами, здесь. Изучить дело, с которым вы работаете. Получать новости. Поработать с подозреваемыми – то есть с их фотографиями. Я работаю с картами, с маятниками. У меня есть опыт. Я раньше делала такое, я помогала. Вы должны мне позволить...

– Абсолютно исключено, – заявил Громов. – Есть такое понятие, как тайна следствия. Вы не сотрудник органов, вы не проходите по делу ни в качестве свидетеля, ни в качестве подозреваемого. Мы не работаем с гадалками...

– Я не гадалка, – вспыхнула девушка, сверкнув глазами. – Я не гадать вам на кофейной гуще пришла. Я хочу помочь. Искренне.

– Мы не нуждаемся в вашей помощи. Извините. Если это всё...

– Вы не справитесь без меня, – ясновидица всё ещё сидела на стуле и, казалось, тянула время в надежде на то, что Громов передумает, но тот был неумолим.

– Девушка, раскрывать преступления – наша работа. С которой мы до сих пор успешно справлялись. Поверьте.

– Убийство вы раскроете, – кивнула она. – Но не сможете предотвратить следующее. Только я могу вам помочь. Пожалуйста. Позвольте мне это сделать. Мне было видение.

– Видение к делу не подошьёшь.

- Вы не измените своё мнение, да?
- Нет, – сказал Громов. – Не изменю.

Девушка встала:

– Тогда мне больше нечего здесь делать. У меня есть и другие дела, я не могу тратить время. Но имейте в виду: это ваш выбор.

– И вам всего доброго, – пробормотал следователь и демонстративно открыл папку с делом.

Алевтина развернулась и, не прощаясь, вышла из кабинета, легонько прикрыв за собой дверь. Громов посмотрел туда, где она только что сидела. «Хоть ясновидицу вызывай», – прозвучал в его ушах голос шефа.

Может, надо было её хотя бы выслушать? Громов тут же одёрнул себя: кого выслушать? Гадалку с какими-то неконкретными видениями? Позволить ей сидеть в участке целый день и совать нос в дела, которые никак её не касаются? Нет, он сделал всё правильно.

Решив выбросить гадалку из головы и заняться делом, мужчина взял кружку, сделал первый глоток кофе за сегодня и чертыхнулся: снова остыл! Вторая кружка холодного напитка отправилась в горшок с фикусом. На часах было 9:45, и сегодняшний день, похоже, обещал стать бесконечным.

Глава 3

«Башня», 63-й этаж. Суббота, 4 июля, 9:30

В девять тридцать утра невыспавшаяся Алиса с припухшими глазами и растрёпанными волосами, в узких чёрных джинсах, высоких кроссовках и чёрной майке с тонкими бретельками выходила из лифта на 63-м этаже «Башни». Девушку подташнивало от долгой поездки в лифте. «Как в космос летишь», – с раздражением подумала она.

Рядом с ней вышагивала на 12-сантиметровых шпильках бодрая, свежая, с аккуратной причёской и тщательным макияжем, модная до кончиков невероятно длинных ярко-красных ногтей...

– Кристина Казакова, агент Алисы, – девушка в безупречном бежевом костюме, сшитом точно по фигуре, протянула руку встречающему их представителю телекомпании. – А вы, наверное, Ник. Мы общались по телефону.

Стеснительный долговязый парень с косой рваной чёлкой пожал руку Кристины и повернулся к Алисе:

– Я Ник, помощник продюсера пост-продакшн. Если вам что-нибудь нужно...

Алиса не снималась раньше для телепередач, но уже чувствовала себя звездой – слегка уставшей, слегка томной, желающей поскорее закончить вынужденное общение с фанатами и вернуться обратно в своё закрытое для посторонних глаз пространство. А ведь утро только начиналось.

– Будьте добры, Ник – чёрный кофе. Без сахара и...

– Всё, что было заявлено в вашем райдере, мы учли, – кивнул парень. – Кофе вам готовят, пока вы будете переодеваться.

Гримёрка оказалась небольшой, но вместительной. В центре комнаты у большого зеркала на передвижном столике расположились несколько коробок с косметикой, феном, расчёсками и прочими аксессуарами. Рядом на вешалках и полках несколько платьев, разные виды обуви, шарфы и что-то ещё – Алиса даже не стала это всё рассматривать: заметив на столике в углу кофемашину, она сразу направилась туда. Хрупкая блондинка с волосами, завязанными в высокий хвост, до сих пор молча стоявшая рядом с кофемашиной, тут же засуетилась, нажала пару кнопок, достала откуда-то простую белую чашку без особых изысков и подставила её под две тоненькие струйки кофе:

– Я Аня, ваш стилист на сегодня. Буду помогать вам с одеждой, причёсками и макияжем, – белая чашка как раз наполнилась кофе, и девушка подала её Алисе. – Мне очень приятно работать с вами – я прочла все ваши книги!

– Благодарю, – Алиса взяла чашку и вдохнула бодрящий аромат. – Прекрасный кофе.

– Нас предупредили, что вы в этом разбираетесь, – улыбнулась Аня. – Присядьте пока на стул и пейте, а я в это время сделаю вам причёску.

Алиса оглянулась – Кристина, невероятно деловая в своём новом костюме с обтягивающей юбкой чуть выше колен, давала какие-то указания Нику, а он, каждый раз, глядя ей в глаза, краснел до самой макушки.

Писательница села на высокий крутящийся стул перед зеркалом и отпила кофе. Надо просто расслабиться, сказала она себе. Это нужно для продвижения моих книг. Эти люди знают, что делают. Кристина рядом, она во всём разбирается и за всем проследит. Пусть делают причёску какую угодно. На один день можно забыть о том, как она выглядит – да и разве не она всегда говорила, что ей это всё равно?

Через пятнадцать минут, когда кофе был выпит, блондинка уже управилась и с причёской, и с макияжем, и даже с украшениями, и попросила Алису надеть нежное белое платье с бледными розовыми и сиреневыми цветами, с открытыми плечами и спадающее волнами куда-то совсем в пол. Аня проследила за взглядом писательницы:

– Если хотите, можете остаться в своих кроссовках – платье длинное, никто не заметит, в какой вы обуви.

– О, спасибо, – Алиса почувствовала большое облегчение: в таких шпильках, как у Кристины, она не смогла бы даже сидеть. – С меня хватит и платья.

– Не нравится?

– Не то чтобы... просто я не ношу такие. – Алиса посмотрела на себя в зеркало. Её рыжие волосы были аккуратно подобраны наверх, в ушах и на шее красовались маленькие жемчужины – такие же, как на правом запястье, – а макияж, хоть и был совсем лёгким, делал её лицо незнакомым.

– Ух ты! – не сдержалась Кристина, наблюдавшая за чудесным перевоплощением. – Почему ты не можешь быть такой каждый день?

Алиса повела плечами:

– Догадайся! ... Потому что это не я, Кристи. Это просто не я.

– Да ладно тебе! Хорошо же получилось, – кивнула Кристина взволнованной Ане. – Всё хорошо. И можно даже остаться в кроссовках.

– И на том спасибо.

– Съёмки через десять минут. На, держи, – Кристина протянула писательнице стакан с яркой оранжевой жидкостью.

– Это что? – поморщилась Алиса.

– Витаминка растворимая, – резко сказала Кристина. – Ты можешь уже расслабиться и просто довериться мне хоть на один день? Я долго к этому готовилась, я всё предусмотрела. Просто делай, что я говорю. И на площадке будь собой. Отвечай на вопросы, как тебе кажется правильным.

– Этого можно было не говорить.

– Знаю, – смягчилась Кристина. – И не переживай сильно: если вдруг ляпнешь что-то не то, мы всё переснимем. За наши, правда, деньги – но мы можем себе это позволить. Без нашего одобрения никто ничего в эфир не пустит и в журнале не опубликует. А платье – ну платье. Терпи, чё. Считай, что ты актриса – они просто надевают молча, что дают. Да и мало ли – вдруг тебе всё-таки понравится.

– Ну хорошо, хорошо.

– И вот ещё. Извини, но первое интервью ты даёшь паре студентов журфака для подростковой передачи. Это их курсовая работа. Возможно, они будут волноваться. И сильно лажать.

– Вряд ли сильнее, чем я, – Алиса с сомнением смотрела на себя в зеркало, пытаясь привыкнуть к тому, как она сейчас выглядит.

Десять минут спустя писательница сидела в свете софитов перед парой молоденьких ведущих – оба в джинсах и майках с логотипом какого-то телеканала, – и мысленно меняла своё романтическое платье, ниспадающее волнами до самого пола, на такие же джинсы. Она искренне не понимала, почему стилисты так сильно желали противопоставить её внешний вид тому, как выглядели журналисты.

Между девушкой и ведущими на стеклянном столике располагались глянцевые журналы, стаканы с водой, блокноты и ручки. Невысокое кресло оказалось неожиданно удобным, и писательница, оказавшись в нём, тут же расслабилась.

– Алиса, ваша писательская карьера началась со стихов, – прокашлявшись, начал молодой человек. Писательница мысленно поблагодарила его за то, что говорил он нормальным

человеческим голосом и вёл себя, хоть и раскованно, но без нелепых ужимок, которых она опасалась. Похоже, Алиса ошибалась относительно современных подростковых телепрограмм – и сейчас была этому рада. – Вас неоднократно номинировали на премию «Поэт года» – и несколько других престижных литературных премий. И не только в России.

– Да, это так.

– Скажите: почему вы не позиционируете себя как поэта, ведь в этом качестве вы гораздо больше известны публике?

Хороший вопрос. Применительно к себе он Алисе совершенно не нравился – но, будь она на месте журналиста, сама начала бы именно с него.

– Я писала и пишу стихи, это так. Фактически с самого детства. Но для меня это не что-то серьёзное. Не дело всей моей жизни – понимаете? Может быть, как раз потому, что это с детства. Я живу стихами... дышу ими, если хотите. Думаю стихами. Но проза для меня важнее.

– Почему? О чём ваша проза?

– Так вы не читали? – улыбнулась Алиса.

– Не успел, – выкрутился парень. – Кроме того, всегда интересно, как сам писатель считает, о чём он пишет. Так о чём пишет Алиса Новак?

– Много о чём. О жизни. О любви. О предательстве. О дружбе. О магии. О поведении человека в критических ситуациях. О психологических играх разума.

– О магии? – фыркнул ведущий. – Вы серьёзно? Я думал, вы пишете детективы. Даже собирался прочесть одну из ваших книг. А вы, оказывается, эти ваши женские романы пишете?

– А что вы читали из женских романов, чтобы так пренебрежительно о них отзываться?

– Разве их вообще стоит читать? Их же для скучающих домохозяек пишут, разве нет?

– У вас очень чувственные стихи, – в разговор включилась девушка. Её голос слегка звенел от волнения. – Они такие... очень эмоциональные, очень живые... пронзительные, что ли – вот, наверно, правильное слово. И вы говорите, что дышите ими. Значит ли это, что ваши стихи автобиографичны – я имею в виду в большей степени, чем проза?

– Не знаю, нет. Не совсем. То есть да, я согласна, что они более эмоциональны, чем проза – и это неизбежно, ведь они пишутся сразу, в моменте, на одном дыхании, пока не ушло настроение, но... – Затянувшееся объяснение было уже больше похоже на оправдание, и Алиса сдалась: – Хорошо, давайте будем считать, что так.

– А вы могли бы перестать писать стихи? – с любопытством спросил парень.

Писательница помедлила с ответом – этот вопрос она и сама задавала себе не раз. Наконец она кивнула:

– Я могла бы перестать их записывать.

– Но не писать.

– Нет.

В студии повисла пауза – ведущие осмысливали ответ Алисы. Девушка-ведущая вышла из ступора раньше:

– Вы как-то сказали, что не обязательно переживать сами события – но обязательно испытывать какие-то эмоции по отношению к ним, представлять себе, что чувствуешь в этот момент, иметь высокий уровень эмпатии. Эмоции действительно так важны для вас?

– Да, важны. Эмоции – это единственное, что у нас есть. Единственное, ради чего стоит жить. Это именно то, что делает людей людьми.

– Но я помню, что в одном из интервью вы говорили, что разум для вас важнее.

Алиса задумчиво кивнула: ей не нравилось, когда её пытались поймать на слове, но от слов своих она никогда не отказывалась.

– Так что важнее: сердце или разум?

– И то, и другое. Разум без сердца может быть сух и безжалостен, но попробуйте жить одним только сердцем – и куда оно вас заведёт?

Оба ведущих с интересом посмотрели на Алису и воскликнули почти одновременно:

– Куда?!

Алиса покачала головой:

– Это не то, что можно узнать в теории. Только на практике.

– Но вы этого не рекомендуете? – парень смотрел на неё испытующе и ждал готового ответа.

– Почему же... может быть, ваш опыт окажется положительным во всех смыслах.

– Но ваш опыт таким не был?

– Положительным? Был. Но если вы спросите, был ли у меня связанный с этим негативный опыт – да, тоже был. Чего больше – не знаю. Я просто не считаю такие вещи, понимаете? Не сравниваю, не анализирую, не делаю выводов. Мне даже кажется, что баланс в данном случае – это не распределение 50 на 50... Точка равновесия у каждого своя.

– Ну хорошо. Вам самой нравятся ваши стихи?

– Скорее да, чем нет. Всё, что мне не нравилось, я удалила везде, где смогла.

– Поделитесь, что там было?

– Ничего особенного. Это были просто «кривые» стихи – я имею в виду кривые по форме или содержанию. Сбивчивый ритм, банальные рифмы, отсутствие смысла. Опять же, если мы говорим об эмоциях – они не были раскрыты в достаточной степени. Так что никакой ценности в этих удалённых стихах нет.

– Хотите сказать, вы не всегда писали хорошо?

– Никто не пишет всегда хорошо.

– Значит, стать поэтом может каждый?

– Думаю, да. – Алиса была искренне уверена, что писать стихи легко – ведь она это делала, совершенно не задумываясь. Легко ли писать ХОРОШИЕ стихи – это был бы другой вопрос.

– Я имею в виду – настоящим поэтом, а не графоманом.

– Да, конечно.

– Что для этого нужно?

– Влюбиться без взаимности, – хмыкнула Алиса.

– Вы это серьёзно? – парень смотрел на неё во все глаза.

– Абсолютно. Тот, у кого всё хорошо, вряд ли будет писать яркие, эмоциональные стихи, которые найдут отклик у читателей. – Алиса задумалась. – Можно, конечно, писать о маме, о родине, о природе... стихи на дни рождения и прочее, но... это ведь не то, понимаете?

Ведущий кивнул.

– А вы пишете на заказ?

– Нет.

– Могли бы?

– Наверное. Но не хочу. Это совсем не то. Это не эмоции, это не искренне. Я не хочу писать так. Для меня важно моё внутреннее состояние.

– Понимаю... И всё-таки: можно ли научиться писать стихи хорошо?

– Конечно. Почему нет?

– Что для этого нужно сделать?

– Хм. Есть определённые правила – рифмы, ритм, размерность. Но мы ведь не роботы, правда? Отдельные отступления от классических канонов, намеренно сбивчивый ритм, а то и вовсе «белые» стихи могут стать вашей отличительной чертой, вашей изюминкой... думаю, такие вещи нужно просто чувствовать – это довольно трудно объяснить. В первую очередь я бы советовала больше читать стихов других, уже известных, авторов.

– Чьи, ваши? Или всё-таки Пушкина?

– Да кого хотите. Главное – чтобы стихи вам нравились. Если они не вызывают в вас никакого отклика, скажете ли вы потом, что это хорошие стихи?

– Я – нет. Но люди – читатели, критики...

– Забудьте о людях. Что чувствуете вы?

– Честно? Мне не нравится Пушкин. Мне нравится Маяковский.

– Честно? – в тон ведущему произнесла Алиса и улыбнулась. – Мне тоже.

– Вы серьёзно?

– Абсолютно.

– А разве так можно говорить вообще?

– А кто сказал, что нет?

– Это кощунство, Алиса – улыбнулся парень. – Нам это вырежут.

– Думаете?

– Посмотрим... Что вы всё-таки посоветуете начинающим поэтам и писателям – то есть тем, кто вообще ничего не писал, но очень хочет?

– Пишите.

– Вот так просто?

– Ну да.

– Но можно ведь писать и писать – и всю жизнь в стол. Не стать известным вообще никогда и никому. ... Вот вы меня простите, Алиса – но вряд ли бы я о вас узнал, если бы не ваш литературный агент. Это ведь на самом деле много значит, правда? Тем более, что ваш агент – Кристина Казакова – дочь владельца крупного издательства... Согласитесь, что это большое преимущество. Что было бы, если бы вы не встретились? Для кого сейчас писала бы Алиса Новак, кому были бы известны её книги вообще?

– Безусловно, встретить человека, который хочет и имеет возможности для того, чтобы продвигать то, что вы пишете – большая удача. Но если вы вообще не будете писать, а будете лишь сидеть и ждать, пока встретите такого человека – что он будет продвигать вообще? Как можно продвигать то, чего нет?

Пока ведущий обсуждал с писательницей трепещущие вопросы начинающих авторов, его напарница напряжённо читала свои заметки и словно раздумывала, задавать ли следующий вопрос. Парень это заметил и тянул время, задавая по кругу одни и те же вопросы. «Половину этой фигни придётся потом вырезать», – равнодушно подумала Алиса. Девушка-ведущая, наконец, оторвалась от своих записей и решила задать сомнительный, по её мнению, вопрос:

– Правда ли, что несколько человек – то есть даже не один – использовали ваши стихи для того, чтобы расстаться со своими любимыми?

– Да, это правда, – это был давно всем известный факт, поэтому Алиса не видела смысла его скрывать. Но и гордиться здесь было нечем.

– Как думаете, почему они это сделали?

Алиса пожала плечами:

– У них просто не было собственных слов для того, чтобы...

– Для расставания?

– Ну да. Расставаться всегда тяжело, – писательница помолчала, думая о своём. Когда пауза затянулась, она подняла голову и добавила: – Некоторые люди просто не умеют говорить «нет». И это сильно усложняет жизнь другим людям, которым важно говорить обо всём.

– Вы сильно переживали, когда узнали о том, что ваши слова использовали для расставания?

– Да. Конечно. Особенно когда это случилось в первый раз. Расставание – это грустно. Всегда. Даже если ситуация уже назрела и оба партнёра приняли такое решение.

– Поэтому вы обратились к психиатру? Или у вас были другие причины?

Это был удар ниже пояса. Надо потом попросить Кристину вырезать упоминание о психиатре. Это слишком личное.

– Я бы не хотела отвечать.

– Пожалуйста, это простой вопрос.

Пристальный взгляд, глаза в глаза: кто первым отведёт взгляд? Не она, не Алиса. Это всего лишь начинающие журналисты. Для них это интервью важнее, чем для неё. Они вырежут в итоге всё, что она скажет.

– Нет.

– Хорошо. Я задам другой вопрос. Чувствуете ли вы свою вину из-за этих расставаний?

– Нет. Совершенно точно нет. Это не моя вина. Я не могу отвечать за других людей, даже если они использовали мои слова... Понимаете, не все умеют выражать свои чувства и эмоции словами – у каждого свой способ восприятия этого мира. Но я умею. Слова – это моё. Я так вижу. Я так чувствую. Поэтому то, что я пишу, отражает эмоции достаточно точно. А поскольку люди часто испытывают одни и те же чувства, они, видя мои стихи, вдруг понимают, что эти слова точно выражают то, что чувствуют они сами. Вот они и берут их для того, чтобы лучше донести до кого-то собственные переживания. Это естественно. Почему нет?

Алиса сама слышала со стороны, как искусственно это звучит – ни разу не естественно. Она словно не отвечала на заданный вопрос, а читала лекцию – безликую, абстрактную. И вроде бы она верила в то, что говорила, но слова эти шли не изнутри, не от сердца. Она чувствовала это, но не могла с собой ничего поделать. Это была её давняя проблема, и писательница знала об этом.

Кабинет психиатра. Несколькоми годами ранее.

Пожилый психиатр откинулся в кресле, растянул верхнюю пуговицу голубой рубашки, достал из кармана носовой платок, снял очки и вытер пот с лица. Спорить с пациентами – дело неблагодарное, и таким образом ещё никого не удавалось переубедить и заставить видеть себя со стороны, но раз за разом он вовлекался в эту игру в надежде сократить время и скорее прийти к счастливому финалу.

– Алиса, поймите: дело не в том, что правильно, а что нет... Забудьте вы вообще это слово, вычеркните его из своего лексикона: любая «правильность» субъективна. Давайте сосредоточимся на другом: у вас невроз, и этот невроз явно мешает вам жить.

Пациентка не сдавалась. По всему было видно, что эта девушка вообще не привыкла лезть за словом в карман – у неё на всё был ответ, и он уже успел к этому привыкнуть. Если Алиса молчит, значит, слова, зародившиеся в этот момент в её голове, ей не позволяют произнести вслух правила приличия.

– Почему вы все думаете, что со мной что-то не так? – наконец спросила она, видимо, преобразовав неприличные слова в приличные. – Что не так? Разве это не естественно – нести ответственность за собственную жизнь?

– Мы говорим о разных вещах. Нести ответственность за свою жизнь, делать сознательный выбор и принимать последствия этого выбора – это одно. Но вот, что вы делаете на самом деле: вы пытаетесь всё контролировать.

– Не понимаю, чем это плохо.

Алиса невероятно упряма. Врач не представлял себе, каких усилий стоило её супругу уговорить девушку обратиться к психиатру. Он задумчиво стал протирать очки носовым платком, которым только что вытирал лоб:

– Тем, что вашему контролю подвластно не всё. Далеко не всё... как бы это сказать помягче... По большому счёту никто из нас не способен ничего контролировать. Другие люди, обстоятельства, объективная реальность не подвластны нашему контролю.

– Предлагаете смириться с этим?

– Алиса, поймите: вы не контролируете даже собственную жизнь. Вы не знаете, что случится с вами даже через пять минут – у вас может случиться сердечный приступ, или вы в ярости накинетесь на меня с кулаками, или вы, наконец, признаете, что не являетесь центром вселенной. Вы не можете с уверенностью утверждать, что чётко осознаёте, что происходит в вашей голове.

– Ну допустим, – нехотя признала девушка.

– Так как же вы можете претендовать на то, чтобы контролировать других людей?

– Я не претендую.

– Тогда признайте, что ни вы, ни ваши стихи, ни какие-то другие ваши написанные или произнесенные слова не могли повлиять на чьё-то решение расстаться со своим партнёром. Вы даже не знакомы лично с этими людьми. Так почему же вы думаете, что ваша власть над ними столь велика?

– Умом я это понимаю...

– Сознанием. А подсознание уверено, что вы можете влиять на эти совершенно не зависящие от вас события. И вот эти вещи – они вступают в конфликт, понимаете? И отсюда все ваши невроты, повышенная тревожность и депрессивные состояния.

– Ну хорошо, допустим. Что вы предлагаете?

– Перестаньте всё контролировать. Перестаньте пытаться это делать. Перестаньте думать об этом.

– Легко сказать, доктор. Легко сказать. Но поймите и вы – я не могу это сделать. Я же собственными руками, по сути, лишу себя почвы под ногами. Мне не на что будет опереться. Мне будет ещё страшнее, чем сейчас. Я не смогу жить в мире, где от меня ничего не зависит.

– Послушайте, – психиатра осенило. – Вы ведь писательница.

– Поэтесса. Я пишу пока только стихи. Хотя если честно, я задумываюсь о прозе. Мне кажется, в прозе я могла бы как-то точнее...

– Отлично! – воскликнул психиатр. – Вам не приходило в голову, чем вас так привлекла эта профессия?

– Странный вопрос. Это вообще единственное, что я умею – испытывать чувства, эмоции, и выражать это словами. Я так вижу мир, я с ним так общаюсь, если можно так выразиться. Это мой способ восприятия мира. Всё, что не выражено словами, для меня не существует.

– Вы помните, что мы уже это обсуждали? Я имею в виду – ваши проблемы с людьми, которые воспринимают мир по-другому.

– Да, конечно, – опустила голову Алиса. – Я напоминаю себе об этом постоянно: не все такие, как я, и никто не обязан быть как я. Для меня важны слова – но для других людей нет, и это нормально. Мне нужно говорить – и слышать – а кому-то – совершать поступки.

– Звучит как заученный урок.

– Вроде того, – девушка усмехнулась впервые за время сеанса. – Так я себе это всё и повторяю... Но, признаться, мне до сих пор тяжело с людьми, которые не могут сказать что-то словами... Я даже негатив готова принять – любое унижение, любой отказ, если он выражен чётко: нет – значит, нет. Я всё приму. Но поступки... знаете, поступки у людей бывают очень странные. Я не мастер их расшифровывать. Так что с моей профессией? Вы, кажется, хотели что-то сказать...

– Да, верно. Только прошу: не воспринимайте мои слова сразу в штыки, хорошо?

– Разве я хоть раз так делала?

– И тем не менее... Обещайте подумать над тем, что я скажу – в какое-то время, когда вы будете одна, в тишине, никуда не будете спешить. Это действительно очень важно.

– Обещаю, – на полном серьёзе произнесла Алиса. – Я подумаю об этом – долго и обстоятельно.

– Вот и договорились... Так вот. Некоторые писатели – безусловно, не все, но некоторые – выбирают эту профессию именно для того, чтобы реализовать своё навязчивое желание контролировать всё и всех.

– Вы так думаете?

– Вне всяких сомнений! Придумывая собственные миры, реальности, сложных персонажей с их чувствами, эмоциями, поведением, писатель таким образом контролирует их... Я слышал, что некоторые писатели «отпускают» своих персонажей, позволяют им жить собственной жизнью, и эти персонажи буквально выходят из-под контроля... но, думаю, это не ваш случай.

– Хм... – задумалась Алиса. – Мне кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните... Думаете, мне всё-таки стоит начать писать прозу?

– Обязательно, дорогая моя Алиса! – воскликнул психиатр, снова надевая очки. – Обязательно начните писать прозу – и довольствуйтесь этим! Контролируйте своих персонажей и оставьте в покое себя и своё окружение! Перестаньте ограничивать себя, выйдите, наконец, за собственные рамки – вы же творческий человек! Дайте себе свободу, дышите! И дайте дышать другим.

– Хм...

– Вы понимаете, что я пытаюсь сказать?

– Думаю, что да.

– Умом? – улыбнулся психиатр.

– Сердцем, – улыбнулась в ответ Алиса. – Но есть большая разница между пониманием и действием. Думаю, я не смогу сразу перестать пытаться всё контролировать. Не сразу смогу засесть за прозу – и непонятно, что это должно быть: начать ли с короткого рассказа или сразу замахнуться на большой роман? В каком стиле писать? Да и вообще – это ведь может не получиться! Не сразу, во всяком случае. Должно пройти время – достаточно большое. Месяцев...

– Стоп, стоп, стоп. Время вы тоже не контролируете, помните? Сколько пройдёт – столько пройдёт. У вас это время есть. Подумайте, расслабьтесь. Успокойтесь. И начните писать – просто начните, не задумываясь ни о чём. Уверен, даже первая проба пера в прозе принесёт вам несомненную пользу – даже если это ваше первое произведение и отправится прямоком в стол и останется там навсегда. Здесь главное просто сесть и сделать.

– Мне надо привыкнуть к этой мысли. Но спасибо: сама бы я до этого вряд ли дошла.

– Да бросьте! Вы же сказали, что думали о том, чтобы писать прозу. Вы бы всё равно начали её писать, рано или поздно.

– Ну да, – улыбнулась Алиса. – Но знаете, волшебный пинок под зад – это как-то надёжнее.

Об этом последнем разговоре психиатра с пациенткой никто никогда не узнал: совет доктора Алисе помог. В тот же день, вернувшись из клиники, девушка начала писать свой первый прозаический роман – и уже спустя год «Странная сказка» Алисы Новак начала свой путь к сердцам читателей.

Детективное агентство «Гром и Молния». Суббота, 4 июля, 10:00

В то ясное субботнее утро частный детектив Илья Андреевич Громов, более известный в узких кругах как Молния, никуда не спешил. Вот уже год он жил совершенно один после того, как жена бросила его, сбежав с молодым любовником куда-то к чёрту на кулички. Всё своё время мужчина тратил теперь исключительно на работу, которую считал делом своей жизни,

а также на повышение квалификации и оттачивание всевозможных навыков, которые так или иначе относились к его профессии.

Работать в субботу особой необходимости не было, тем более что только вчера ночью Молния вернулся из Санкт-Петербурга, куда ездил по заданию весьма обеспеченной клиентки – нужно было проследить за её благоверным, слишком часто (по мнению супруги) посещавшим северную столицу «по делам». Дама давно подозревала, что, помимо бизнеса, у мужа в Питере есть и некие амурные дела – и, конечно, не ошиблась: детектив располагал теперь кучей неопровержимых доказательств её предположений, включая фото, видео, а также аудиозаписи разговоров.

Молния всегда поражался женской интуиции: в вопросах верности в отношениях представительницы прекрасного пола не ошибались никогда. На его памяти не было ни единого случая, когда клиентка просила детектива найти доказательства неверности мужа или любовника – и не получила их. И ведь дело вовсе не в том, что все мужчины сплошь предатели и лжецы, не способные пройти мимо новой юбки...

«Вот бы мне вашу интуицию год назад», с тоской думал мужчина, подходя к зданию, где на входной двери красовалась табличка «Детективное агентство «Гром и Молния».

Итак, срочной работы у Молнии сегодня не было – он собирался заказать доставку еды в офис и написать клиентке подробный отчёт о поездке в Санкт-Петербург, потом проверить почту, ответить на письма, которые он давно откладывал, оплатить накопившиеся счета (благо, клиентка оказалась весьма щедра, и на банковском счёте детективного агентства теперь красовалась кругленькая сумма) – и отправиться домой отсыпаться после нескольких бессонных ночей.

Однако планам детектива не суждено было осуществиться: у закрытой двери агентства его ждала незнакомка – блондинка в длинной цветастой юбке и звенящих браслетах.

– Алевтина, – девушка так уверенно протянула руку Молнии, словно она точно знала, что он именно тот, кто ей нужен, и никого другого она здесь встретить не могла.

– Молния, – машинально ответил он, пожимая тонкие девичьи пальцы, сплошь унизанные кольцами с крупными камнями. – Давно ждёте?

Девушка улыбнулась:

– Ровно столько, сколько планировала.

«Новая клиентка», – подумал детектив, и впервые за долгое время ошибся в предположении.

Глава 4

Полицейский участок №48. Суббота, 4 июля, 10:30

Ровно в 10:30, когда следователю Громову всё же удалось выпить кружку крепкого горячего кофе, в кабинет вошёл парень в папкой в руках – не слишком высокий, но с развитой мускулатурой, голубоглазый блондин с выгоревшими на солнце волосами и совершенно бесхитрым выражением лица.

– Открывашка! – удивился Громов.

– Приветствую, – широко улыбнулся вошедший, сел за свободный стол и бросил папку перед собой.

Парень работал в участке помощником следователя всего пару лет, но уже успел заслужить всеобщую любовь и уважение: у него всегда было хорошее настроение, неизменная улыбка, что бы ни случилось, и он никогда не жаловался даже на самую чёрную работу. У парня было нормальное имя – Дмитрий Денисов, – но сотрудники звали его не иначе как Открывашкой: благодаря удивительно тонкому чутью он умел видеть то, чего не видели другие, замечал мельчайшие детали, хорошо запоминал имена и лица и умел расположить к себе самых разных людей. Считалось хорошим знаком – получить Открывашку к себе в команду: он был чем-то вроде талисмана и помогал сдвинуть с места, казалось, самые безнадёжные дела.

– Какими судьбами? – спросил Громов. – Угостить тебя кофе?

– Теперь я ваш – на новое дело о вчерашнем убийстве. От кофе не откажусь... собственно, сам его и сделаю, – улыбнулся Открывашка. – Вам тоже?

– Ну давай, раз так, – Громов откинулся в кресле и закинул ногу на ногу. – Рад, что шеф прислал тебя. Правда, рад. Думал – пришлёт кого-то зелёного совсем, а мне нянчись тут – ещё и времени совсем в обрез... Но ты же вроде с Романовским работал, нет?

– Романовский с сегодняшнего дня в отпуске, – откликнулся парень, наливая кипяток в две большие кружки с молотым кофе. – А так бы это дело было его. Нам его вчера подкинули, а потом узнали об отпуске и передали вам. Ну а поскольку я не в отпуске – я теперь ваш со всеми потрохами. Командуйте, шеф.

– Значит, тебя уже не надо вводить в курс дела, а? Успел ознакомиться с материалами?

– В целом я в курсе. Разве только если медзаключение пришло, – Открывашка поставил одну кружку перед Громовым, а со второй вернулся за стол напротив. – Его я ещё не видел... Зато опросил жильцов дома с утра, пока не разъехались в субботу с утра пораньше.

– Ого. Вот это ты молодец. Хвалю.

– Ну, я всё-таки не всех застал дома – суббота, июль... все, кто только мог, разъехались из душного города куда подальше. И консьержку пока не видел – она обычно позже приходит по выходным. Соответственно и записи с камеры пока нет, а доступ только у неё.

– А, значит, камера там есть. Это уже хорошо.

– Угу, – промычал Открывашка, отпивая кофе. – Позже записи достану. Так заключение уже есть? Это ведь убийство?

– Похоже на то. На теле в области головы – а точнее, на правом виске – есть следы удара тупым твёрдым предметом, так что из окна – или с балкона...

– На правом, – повторил помощник следователя. – Значит, убийца – левша.

– Вероятно, – кивнул Громов. – Или напал со спины. Из окна или с балкона сбросили уже труп. Так что сбросить его могли хоть с пятого этажа... Личность пока не установлена. Работаем... Что у тебя?

– Ну, в общем, в этом доме жертва не живёт... то есть не жил. Соседи его раньше не видели. Выход на крышу закрыт, ключи есть только у консьержки. Похоже, что он был у кого-

то в гостях. Но пока неясно, у кого. Надеюсь, консьержка что-то прояснит. Ну или запись с камеры.

– Хороши хозяйева – к таким только и ходить в гости... убили с одного удара и выбросили в окно... Ещё и кроссовки выбросили, молодцы. Следы заметали. – Громов полистал папку, остановившись на фотографиях с места происшествия. – Орудия преступления, конечно, не нашли.

– Пока нет, – вздохнул Открывашка. – Наверно, оно осталось в квартире. И это может быть всё, что угодно... Кстати. Вам этот случай ничего не напоминает?

Громов нахмурился:

– А должен?

– Может и нет... только у меня смутное ощущение, что это что-то знакомое. Может, из фильма какого-нибудь или книги... Я много такого смотрю и читаю. Ну а что – даже дурацкие детективы могут навести на мысль.

– Согласен, бывает такое, – кивнул Громов. – У нас, вон, как раз в прошлом году произошло одно «книжное» убийство. Хотя лично я такое...

– Ой, книга! – Открывашка даже не заметил, что перебил начальника, хотя всегда очень внимательно относился к таким вещам. – Это тоже похоже на книжное убийство! Это как в книге!

– В книге? В какой?

– Ну, я же сказал, что много такого читаю – вот книгу недавно прочитал... Писательница есть такая – Алиса Новак. Может, слышали?

– Нет, не слышал. И, признаться, детективов не читаю. В детстве разве что – Агату Кристи. У нас тут на работе такого насмотришься – никаких детективов потом не захочешь... И что, хорошая книга?

– Ну так, – пожал плечами Открывашка. – Не гениальная, но на один раз интересно. «Последний полёт» называется – меня как раз название зацепило.

– Так что там в книге? Похожее убийство?

– Ага. Тоже удар в висок, а тело – в окно. Только там убийцу не нашли, списали всё на самоубийство.

– Что ж это за детектив такой, если убийцу не нашли? – усмехнулся Громов.

– Ну да, не канонический, – пожал плечами Открывашка. – Но там и не в убийстве дело. И в целом справедливость восторжествовала и зло наказано... Вообще довольно популярная книга сейчас, во всех книжных продаётся. Писательница современная просто. Вроде даже молодая. И живёт в Москве. Возможно, даже наш убийца читал её книгу.

– Ну ладно, не суть важно... А орудие преступления какое было в книге?

– Почти идеальное, – улыбнулся Открывашка: – Миллуоллский кирпич.

Название «миллуоллский кирпич» возникло в 60-х годах прошлого века благодаря агрессивным футбольным фанатам из английского Миллуолла. Уже тогда местная полиция отбирали у входящих на стадион фанатов любые предметы, которые хоть мало-мальски напоминали оружие. Тогда «психи из Миллуолла» придумали плотно скручивать газеты – и получившееся орудие использовали в жестоких драках с фанатами соперничающих клубов. А когда газет не хватало, в одну газету добавляли «довесок» – всего несколько монет, завёрнутых в плотно скрученную газету, делали её подчас смертельным оружием.

Идеальным его делала дешевизна, доступность, а главное – лёгкость изготовления и уничтожения: газеты можно раскрутить обратно, сжечь или просто выбросить на свалку. В самом деле, разве кто-то обратит внимание на несколько рваных газет, пусть даже и скрученных между собой?

От размышлений Громова отвлек Открывашка:

– Но если убийца – ну вдруг! – использовал миллуоллский кирпич, то орудие преступления мы не найдём. Разве нет? Даже если мы перероем весь мусор из этого дома. Доказать ничего не получится. Это будут просто газеты, и всё... И не будем же мы у каждого спрашивать, кто там какие книги читает или за футбольную команду болеет – это всё равно не доказательство.

– Не доказательство, – согласился Громов. – Но и без орудия преступления можно раскрыть убийство.

– Наверное. С чего начнём?

– Для начала стоит узнать личность погибшего.

– Ну или к кому он вообще приходил, да? – Открывашка посмотрел на часы. – Пойду наведуюсь к консьержке, она уже должна прийти. Заодно возьму записи с камеры. Вы пока можете посмотреть протоколы бесед с жильцами.

Парень встал из-за стола, передал следователю папку, которую принёс с собой, и вышел из кабинета.

Съёмочная площадка. Суббота, 4 июля, 10:30

После короткой паузы в студии осталась Алиса один-на-один с девушкой-ведущей: её напарник вышел из комнаты, как только камеры от него отвернулись. Журналистка взяла со стола стакан, отпила воды и поставила стакан обратно так, что стеклянная столешница зазвенела и задрожала. Казалось, девушка сильно нервничает. «Интересно, с чего бы, – подумала Алиса. – На интервью обычно нервничает тот, кого...»

Журналистка посмотрела на Алису:

– Можно спросить вас о муже?

В голосе писательницы послышался металл:

– Рискните.

– Вы были с ним счастливы?

– Да. Конечно.

– Без детей?

– Без детей. Вам кажется, что нельзя быть счастливым без детей?

– Ну, многие думают так.

– Только не я, – покачала головой Алиса. – Нам было хорошо вдвоём. У нас было много планов на будущее – и детям в них не было места.

– Не потому, что он намного старше вас?

– Нет.

– Уверены?

Это вот этому сейчас учат журналистов – чем наглее, тем лучше? Или расчёт был на то, что человек растеряется и ответит машинально на любой вопрос?

Алиса не собиралась потакать журналистке. «Отвечай, как тебе покажется правильным», – сказала ей Кристина перед интервью. Сейчас ей казалось правильным не отвечать вообще.

– Следующий вопрос.

– Почему вы вообще вышли за него замуж? У вас была любовь или расчёт на то, что он, уже раскрученный писатель, поможет с карьерой и вам?

– Следующий вопрос.

Алиса могла бы ответить, что любила мужа – но разве эта настырная журналистка отстала бы?

У Алисы был чудесный муж – она готова была признать это и сейчас. Когда они познакомились, Олег Дубинин был популярным писателем и публиковался неплохими тиражами даже «в бумаге». Алиса на тот момент была известной только в узких кругах поэтессой, а о прозе даже не помышляла, хотя писать романы мечтала с детства.

Было ли дело в том, что Олег намного старше Алисы или просто в его впечатляющем литературном опыте, неважно – именно он стал её проводником в большой книжный мир. Он читал её стихи, хвалил первые пробы пера в прозе. Вдохновлял писать, не останавливаясь и не обращая внимания ни на что. «Просто пиши, – говорил он. – Ты ведь не можешь не писать – это твоя жизнь, твои эмоции, твои чувства, твоя искренность. А всё, что искренне, рано или поздно пробьёт себе дорогу». И она писала. Ещё и ещё. А потом её заметили.

До чего будущие акулы пера не докопались – так это до того, что у Олега Дубинина, помимо литературной, была и личная жизнь до Алисы. Она подозревала, что причина такого недосмотра заключалась в том, что их интересовала в первую очередь писательница, а не её супруг: начни они искать подробности о жизни Дубинина, интервью получилось бы совершенно другим – в том числе и его «интимная» часть.

Когда-то давно Олег Дубинин был преуспевающим бизнесменом – и даже несколько лет возглавлял список богатейших людей, построивших собственный бизнес с нуля, российского «Форбс». Но когда ему стукнуло сорок, и его дети-близнецы поступили в университет, мужчине вдруг наступил кризис среднего возраста. Он совершенно охладел и к своему бизнесу, и к супруге, вся жизнь которой вращалась вокруг собственной сети салонов красоты, и уехал из города совершенно один на неопределённый срок. По официальной версии бизнесмен, оставив все дела на партнёров, взял длительный отпуск, чтобы отдохнуть где-нибудь на Мальдивах, и, перезагрузившись, вернуться к прежней жизни. Жена подозревала, что весь тот год он провёл с любовницей (и этого она так и не смогла ему простить), но были и те, кто утверждал, что за это время Дубинин прошёл курс психологической реабилитации в закрытой клинике, даже не выезжая за пределы Москвы.

Как бы там ни было, вернувшись через год, мужчина решил продать свой бизнес и податься в писатели, а его супруга, недолго думая, подала на развод, на который он с лёгкостью согласился. Уже три года спустя «космические детективы» Олега Дубинина читали в каждом вагоне московского метро, сам он числился в списках самых желанных холостяков страны, а на его горизонте появилась она – восходящая звезда Алиса Новак, с которой мужчина познакомился на одном из мероприятий, организованных Союзом писателей. Тогда ещё никто не подозревал, что уже через несколько месяцев эти двое будут женаты.

– Почему же вы расстались? – вопрос журналистки вывел Алису из задумчивости.

– Вы и это знаете?

– Вы сами говорите о нём в прошедшем времени. Даже если бы я не знала...

– Сама виновата, да... Скажем так: у нас с мужем сильно не совпадали графики. В последние несколько лет я работала довольно напряжённо, а он...

– А он, как нам известно, начал писать книгу мемуаров о жизни с вами...

– Мемуары? О жизни со мной?

Журналистка кивнула:

– Обещал рассказать всю правду о... простите. Но это он сам так сказал: о вашей интимной жизни. Намекнул, что вы далеко не так хороши в постели, как кому-то может показаться...

– Что?!

– И что вы, мягко говоря, неуравновешенная женщина с подвижной психикой. Сказал, что сочувствует тем, кто будет у вас после него.

– Вот козёл! – вырвалось у Алисы.

– Простите?

– О, это вы меня простите! – Алиса быстро собралась с духом. Нельзя давать волю чувствам. Не здесь, не сейчас. – Можно это вырезать? Мне сказали, можно вырезать всё, что я скажу. Мы ведь не в прямой эфир это всё...

Журналистка откинулась в кресле и подняла руку:

– Выключите оборудование! – и снова повернулась к писательнице: – Алиса, давайте так. Мы вырежем вопросы о вашем муже, а вы...

– О бывшем муже.

– Пусть так. А вы постараетесь отвечать на остальные вопросы, договорились? Дайте нам хоть что-нибудь, мы ведь не можем выпустить совсем сухое...

– Послушайте. Вы уверены, что у вас программа для подростков? Мне кажется, некоторые вещи просто неуместно... сколько лет вашим зрителям?

– Алиса, как вы себе представляете современных подростков? Они давно не дети, даже если вам так кажется. Я не хочу сказать, что вам уже много лет. То есть я понятия не имею, сколько, но выглядите вы хорошо. Это правда. Но всё-таки вы не подросток.

– Ладно. Хорошо. – Алиса начала уставать от этих начинающих журналистов. – Договорились. Я отвечу на другие вопросы. Постараюсь ответить.

– Спасибо. Хотите перерыв?

– Да, пожалуйста.

Софиты выключили, и Алиса вздохнула с облегчением. Ничего не сказав журналистке, она просто встала и вышла в гримёрку. Единственным её желанием было принять душ, смыть лак с волос, чуть поплывший макияж с лица, всю эту напускную мишуру, вынужденную улыбку и ощущение липкости после интервью...

Гримёрка Алисы. Суббота, 4 июля, 11:00

Выйдя из-под пристальных взглядов камер и софитов, в гримёрке Алиса бессильно рухнула на стул. Аня засуетилась:

– Вам воды, сока, кофе? Хотите что-нибудь съесть?

Кристина взяла со стола апельсиновый сок и подала Алисе. Шикарный костюм сидел на Кристине по-прежнему безупречно, на своих шпильках она чувствовала себя лучше, чем Алиса в удобных кроссовках, а её стильный макияж не нуждался и в малейшей корректировке. «Конечно – ты ведь не сидела под софитами целую вечность», – со злостью подумала Алиса.

Кристина повернулась к помощнице:

– Аня, погуляйте пока, хорошо? Дайте нам несколько минут.

Когда за хрупкой блондинкой закрылась дверь, писательница посмотрела на Кристину:

– Кристи, какого чёрта?

– Алиса, просто пей свой сок, хорошо? Извини, я отвлеклась. Совсем ненадолго – книгу твою начала читать, между прочим. Что там случилось? Она спросила про мужа?

– Я не хочу отвечать на вопросы про мужа. Я была замужем. Теперь нет. Точка. Это моя личная жизнь. Я не хочу об этом говорить.

– Извини, дорогая, но тебе придётся. Я видела предварительные вопросы в целом – и поверь, тебе лучше не знать, что из этого я успела вычеркнуть. Но на остальное – на большинство – вопросов, которые тебе будут заданы, придётся ответить. – Увидев, что Алиса собирается возражать, Кристина приложила палец к её губам. – Шшш... Я не дам тебя в обиду. Честное слово. Я обещаю. Мы вырежем всё самое спорное и то, что – ну вдруг! – может выставить

тебя в неприглядном свете. Но отвечать придётся на довольно откровенные вопросы. Таков был уговор. Не бойся, всё будет хорошо. Всё только тебе на пользу. Пока просто отвечай, как тебе кажется правильным, и всё. Ладно?

– Ладно, – Алиса вздохнула и залпом выпила сок. – Как думаешь, Дубинин и правда пишет эти свои мемуары?

– Мемуары?

– Журналистка сказала. Что он якобы намекал, что я в постели бревно – и вот об этом он сейчас пишет.

– Глупости, – чуть поразмыслив, ответила Кристина. – Олег уважает тебя. Уж не знаю, что там у вас произошло, но вы вроде не врагами расстались... Да нет, не будет он тебя так опускать. Думаю, журналистка просто хотела взять тебя «на слабо». Не верю, что он будет писать о своей интимной жизни. Зачем? Зачем ему вообще писать какие-то мемуары? Что, его космические детективы перестали продаваться, или ему фантазии не хватает, чтобы писать дальше? Сильно сомневаюсь и в том, и в другом. Может, он просто пошутил, а его не так поняли?

– Ты права. Наверно. Зачем писать мемуары о своём прошлом человеку, у которого и в настоящем книги отлично продаются? ... Жаль, что я повелась, надо было вообще не реагировать. Нервы уже ни к чёрту. Дай мне сигарету.

– Дорогая, ты не куришь.

– Раньше не курила, теперь курю. Дай мне сигарету. Я знаю, у тебя есть.

Кристина встала, открыла форточку и достала пачку тонких сигарет из крохотной сумочки:

– Смотри не пристрастись.

«Тебя забыла спросить, – подумала Алиса. – Все вы, подростки, заодно». Писательница сунула в рот сигарету, и Кристина поднесла зажигалку к её губам.

Алиса затянулась и глубоко вдохнула ментоловый дым. Через минуту в дыму была вся гримёрка, но это никого не беспокоило. Кристина курила рядом, думая о чём-то своём, а писательница мыслями улетела в прошлое, к мужу.

Свои «космические детективы» (которые Алиса, к собственному стыду, прочла уже после того, как вышла за писателя замуж) он писал по два-три в год: девушке такая продуктивность не снилась и сейчас. После знакомства с ней в «космических детективах» Олега Дубинина стали появляться любовные линии – сначала осторожные, потом всё более смелые и изощрённые: отдельные критики отмечали, что в последних романах «любви» было значительно больше, чем «космоса». Тем не менее, читателей – или, вернее, читательниц – у него значительно прибавилось.

Он всегда говорил, что это всё благодаря Алисе. Называл её своей музой. Обещал ей любовь до гроба. А потом у него стали появляться другие музы... а в её жизни появился Тим.

В дверь робко постучали, и вошла Аня:

– Можно? Мне сказали, у нас мало времени, а Алису надо успеть переодеть и сменить причёску.

Алиса кивнула Ане и повернулась к Кристине, сунув окурочек ей в руки:

– Со студентами всё? Или они ещё продолжают копать в моём белье?

– Со студентами всё. Я только что говорила с ними – в принципе, им хватит материала для работы. Они там добавят ещё закадровый текст. Не за один день, конечно, это делается, но мне пришлют потом материал для согласования.

– Вот и хорошо. Надеюсь, остальных будет интересовать больше моё творчество, чем личная жизнь.

– Я бы не была так уверена, – заявила Кристина.

– Кристи, ты хочешь, чтобы я прямо сейчас встала и ушла? Зачем мы вообще это всё затеяли?

– Успокойся, дорогая. Всё под контролем. Повторяю: всё, что тебе не понравится, вырежут. Ни в печать, ни в эфир без твоего согласия ничего не выйдет. Перестань капризничать, пожалуйста. У тебя впереди ещё куча вопросов – и о творчестве, и о личной жизни, и бог знает о чём ещё. Так что давай, соберись.

– А ты сделай мне кофе, – попросила Алиса и отвернулась к Ане: – Во что переодеться?

Глава 5

Полицейский участок №48. Суббота, 4 июля, 11:30

Пока помощник следователя, Дмитрий Денисов по прозвищу Открывашка, общался с консьержкой дома, где произошло убийство, и изымал записи с видеокамеры подъезда, сам следователь Громов ознакомился с показаниями жильцов, опрошенных Открывашкой утром. Как он и предполагал, никто ничего не видел, не слышал, не знает и даже не догадывается. Абсолютно бесполезно. Как всегда.

Громов взял в руки список всех зарегистрированных в доме жильцов: одна из квартир ещё пустовала, хотя собственник у неё, конечно, был, некоторых жильцов не оказалось дома – что, в принципе, не удивительно, в летний выходной день и период отпусков... Одна деталь показалась следователю интересной: в квартире №64 на шестнадцатом этаже зарегистрирована некая Алиса Новикова. Не потому ли Открывашка вдруг вспомнил об Алисе Новак и её детективном «миллуоллском кирпиче»?

Совпадение ли это? Настоящее ли имя Алиса Новак или писательница придумала себе псевдоним, похожий на её имя, но более звучный и запоминающийся? С утра девушки не оказалось дома, так что в число опрошенных по делу об убийстве она не попала – однако это не говорило ровным счётом ни о чём.

Громов снял трубку и набрал номер архивного отдела. К телефону подошла Наталья Столярова – его давняя знакомая, с которой они вместе учились и затем пришли работать в один участок по распределению. Кажется, это было уже целую вечность назад.

– Наталья, душа моя, – произнёс следователь, улыбаясь. – Сто лет тебя не слышал. Как поживает самая прекрасная и умная девушка города Москвы и Московской области?

В трубке раздался смешок:

– Гром, так что ж ты не звонишь самой прекрасной девушке лет сто? Знал бы, что я уже почти бабушка! Ждём внука со дня на день.

– Серьёзно? Надо же, как время летит... поздравляю! Но для меня ты до сих пор самая красивая. И молодая.

– Давай, говори уже, что тебе от меня надо? Ведь не просто так звонишь?

– На кофе хотел тебя пригласить. Раз в сто лет, наверно, и муж ревновать не будет.

– На кофе с коньяком я тебя и сама приглашу – когда моя Иришка родит.

– Договорились!

– Теперь давай, говори, зачем звонишь. У меня сегодня и так много работы.

– Пробей мне, пожалуйста, одну девушку...

– Тоже самую прекрасную?

– Возможно. Хотя она может оказаться и самой ужасной. Она у нас в списке подозреваемых по делу об убийстве.

– Ого. Прекрасная убийца – звучит интригующе. Имя и адрес?

– Алиса Новикова. Малиновая улица, дом 15, квартира 64.

– Алиса Новикова?

– Да. Знакомое имя?

– Нет вроде... А должно?

– Да говорят, писательница у нас есть известная, детективы пишет. Алиса Новак. Может, это даже она и есть.

– Гром, я тебя прошу: кто их читает, эти детективы? – Наталья рассмеялась. – Из тех, кто работает в полиции – точно никто.

– Вот и я ему так сказал.

– Кому?

– Да неважно... Ладно, Солнышко. Работы сегодня и правда много. Найдёшь информацию – маякни, хорошо?

– Ну а как иначе – само собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.